

Но если при чтении это свойство неплохо (ибо сия рассеянность внимания производила и активность понимания), то при слушании музыки это бурление жизненности оказывалось ужасающе несвоевременно: музыка течет себе в концерте, уплывает, а то на лодке я, то нырну: отвлекся какой-то шальной ассоциацией, забытой, хотью, — и, когда очухаюсь, корабль симфонии уж далеко уплыл, не догнать: ах, проклятье! Потому и в музыке полная поглощенность мне давалась не когда я играл чужое, а когда начал сочинять свое: хоть и замороженно и убоговато бывало, но все ж сам принцип истечения, первоорождения музыки к себе меня причастил, приоткрылся.

И все ж и там, и здесь происходила профанация. (Аж плачу сейчас от того, что такое осквернял, и так редко мне давалось, прошибала мою заскорузлость чистота любви не к себе и жизни и мысли, во мне текущей, но к другому существу: будь то симфония, человек, цветок, философема или облако.) Господи, чувствую свое рабство и червиную малость; и как гнусны эти надменные, в гордыне, разбухания червиного туловища, которое уже застит себе пространство и свет, а трубку свою в *tuba mirum* предлагает. Однако ж, и червь дивен, и мудрость творения и в нем сказывается — не вполне, ничтожно, но все — она ж... И в себе не собой, но бытием восхищаться можно.

Так что ж делать? Значит, по росту малому тебе и доступно: лилипуций твои понимания.

Однако, божий ли это подход: малое, великое? Это ж наш, математический, числовой — тому, что мы единица среди множества, обязанный. Для Всеединого ж и всеобъемлющего и всепроницающего, какая разница, где ему зазвучать, себя узнать и услышать? Ибо все — он, и червь — такой же центр бытия, как и облако; и все в нем сказывается.

/Это ты себе создаешь одну из регулятивных, по Канту, максимум для поведения, жизни и мышления. И во всяком случае, она бодрит и велит не зарывать талант, а на что способен (не меряя всегда удручающей шкалой количества и чисел) — то и давать, уповая, что и качество моей жизни и мысли не даром такое: зачем-то угодно бытию, раз такое чудовище и монстра в тебе сотворило./

Так вот: в силу такой своей природы давно уж я себе позволяю фамильярничать в бытии и мысли: что в принципе — все звоны и точки и силы бытия, и все когда-либо подуманные мысли, теории и системы, поскольку мы сопринадлежны единому протяженному бытию, которое сплошняком (вот сколько заранее принимаемых на веру предпосылок!) и через мою точку прокатываемо и отдается, — мне доступны и могут быть воспроизведены заново из моего опыта. Это и

гордыня, но может и иначе трактоваться: как широко на мир и все раскрытые глаза, отверзтость врат моего существа и благочестивое упование, что любое слово (тварь и существо мира) и ко мне прямо относится, и я обязан его уловить и понять; а не то, что я — особь статья, моя хата с краю, я ничего не знаю, при чем скромностью освящают и оправдывают сидячий эгоизм (тогда как мой эгоизм — разомкнутый, агрессивный, империалистический).

Воля и подсказ имени: «Гачев» и «Кант»

Вот уже кое-что и для темы нынешнего мышления просвечивает. Задор Канта — как раз поставить притязания мышления человеческого в границы, хату с краю построить и участок ее и владение точно очертить. И что меня касается и есть мой долг; что я точно должен исполнять, а что — не моего ума дела и куда не след мне путаться под ногами бытия и нос совать.

Я же приступаю к нему с иным складом существа моего и с иным умонастроением: **захватить все** (слова Толстого и его принцип взаимоотношения: Лев Толстосум все в суму свою заграбастать захотел).

Мистика и воля фамилий и имен здесь сказывается.

Кант — окантовка, грань, окаемщик, пограничник: призвание таково в самом имени, которое нам дано как подсказ от бытия на свою судьбу, колею и дело. Достоевский — достоин ли? Гордыня и унижение — выяснением этого всю жизнь в писании занят.

Я ж — Гачев — что значит? Ну, Георгий Дмитриевич — тут яснее. Георгий = «земледелец» (значит: земли сын — и ей служить) и звучит гордо и красиво; «Георгий Димитров» — из локально-политических, исторических ассоциаций моей зоны во времени — тоже бодрящая ассоциация: на волю и дело. А так Гачев — Грачев — птица (воздух), но черная, тяжелая, земляная, длинноносая, длинноклювая — для сования носа и рытья. То же призвание и в тебе: меж небом и землей вращаться; взлетать, правда, невысоко, но все ж — взлетать и трансцензус меж воздухом и землей, зоной ума, души — и тела, жизни — осуществлять: свет и воздух — к земле притягивать и клювом внедрять (землю рыхля). А еще Гачев — от болгарского «гаши» (русское «гачи») — портки. Здесь ноги народно одетые и хождение по бытию подчеркнуто. И еще: болгарское «гаче» — это «като че ли» = «словно», «как будто» — призрачность существования, сонность, нереальность, условность; что это я еще живу **как будто**, а настоящее — еще предстоит (иль было?); так что я в состоянии вечного дитяти, все уяс-

няющего, что к чему, и к жизни лишь готовящегося — чтоб прожить истинно и по-настоящему. И эту кандидову наивность сознательно в себе удерживаю и развиваю. С точки зрения мистики звуков, то «га» — это «а» = звук открытого пространства, глас всего бытия, его гласности; рот-мир при «а» наиболее открыт, без утайки и тайны, просторен в себе: без усилий субъекта (челюсть отвисла) произносится — просто входит мир этим звуком в нас. Это наиболее объективный звук: словно само все мировое пространство и воздух так звучит. «Г» — звук зада горла, клещей церберовых при входе в Ад существа нашего. Это звук земли (humus, gupo) и усилия, труда — взрывной. «Г» — это взрывное размыкание, бунт, мятеж, революция, предполагающая, значит, замок, теснину, притеснение, подавленность.

Итак: «а» — открытое бытие; «г» — клещи, цап его царап. И «га» = сцепление бытия открытого — и узкого горлышка — умишка; но все ж их смыкание:

Я понять тебя хочу, Смысла я в тебе ищу²

«Г» = «я» (недаром «г» и «ја» — одноместные в небе звуки); а «а» = мир, «не я». «Га-га-га!» — гуси-гуси так кричат, острием шей своих пронзая пространство, и крик их — тоже агрессия земли, взлет ее в телах птиц — в небо.

«Чев» — «чиф» же: тоже птичий звук, но мелкого чирикания, словно после агрессивного с замахом «Га» — свился стыдливо в норку, гнездышко и в перышки, их чистить и младенчески по-воробьиному пищать: «чиф-чиф», как в детской песне чибисята — «чьи вы?»

И вот существо и ум с такими замашками приступает — к Канту. Зачем?

Кант! «Я буду говорить о человеке, одно имя которого звучит как заклинание, — я буду говорить об Иммануиле Канте!»³

Ну что ж, у нас есть общее: Га — Ка.

Основная причастность — к открытому пространству бытия: к «а», к его гласу-согласию, смыслу, строю и ладу к воздуху-духу. Но в Канте оно словно поймано в клетку герметически закрытого единого слога: Кант. «К» и «т» — глухие согласные с обеих сторон, как стены, грани и стражи, обступили бытие, пространство, Raum — превратили его в помещение, дом, Haus. Правда, это насквозь музыкальный дом, и в нем звенит натянутой струной и отдается АН. Это дом-орган, город бытия, однако ж — огражденный, огороженный.

² Это из Пушкина — «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы». — 6.6.96.

³ Гейне Г. К истории религии и философии в Германии // Гейне Г. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. VII. М.—Л. 1936. С. 102.

Глухи и безжалостно механичны окружающие стены — согласные «К», «Т». Они взрывны — значит: усиленные, трудовые, замок и смертность в исходе своем предполагающие. «К», хотя и парно «Г» по положению (тоже задненебное, адово), но если «Г» — звонкое, живое, животное существо (пусть Цербер, но пес, собака, чувствующее), то «К» — глухой, значит: бесчувственный, медведь на ухо наступил, звук не живого существа, но выделанного, механизма — его удар, взрыв и скрежет. «К» — подлинно, клещи, щипцы, тогда как «Г» — горло, гортань, глотка, пасть. «К» и «Т» — глухие, мастеровые, трудовые, огнеземельные, из обожженной и закаленной матери(и). И как симметрично они обступили «ан»: «Т» — сзади, «К» — ровно так же спереди. Безвыходно: Кант — капкан.

Из стихий, таким образом, имя-заклинание «Кант» магически вызывает: «а» = **воздух**-дух, пространство, и в то же время низ и верх мира образуя: опущена нижняя челюсть = **земля**, поднято небо-небо = крыша мира-дома. Высоко вознесено само имя «Кант» — как готический собор: огромной высотой и глубиной, но с узкими стенами. «А» переходит в «Н»: из воздуха **среди** земли и неба — рождается дрожание, колебание, волна — носовая, сопливая, **вода** (в отличие от дрожания пламени, языка огня — «р»): носовые = звуки воды. Но если «м» губно-земно, то «н» — более открыто, воздушно. «К» и «т» — глухие взрывные. Взрыв = **огонь** в земле. Через эти звуки представительствует **огнеземля** = не естественная природа-жизнь, а обожженная: перетворенная искусством, трудом, инструментом, машиной.

Так что бытие («а») и жизнь («н») выступают не вольно, сами по себе господа и вещи в себе, но впускаются, дозволены лишь настолько, насколько это допускает стража: «к» и «т» = выделанная природа, труд, искусство, общество, история — словом, человечество, культура, которые предопределяют: что из бытия, из природы входимо в нас, впускаемо, — и образуют собой априорные формы = ворота, через которые бытие и природа уж в виде явлений (с этим пропуском, в этих тапочках и под этим соусом) входят в наш кругозор, в город-огород нашей цивилизации. Естество необходимо предопределено искусством, и общество выступает судьбой природы, так что максимы практического разума: требования морали, нравственности и всесовершенного существа можно и должно, по Канту, помещать в основание работы чистого теоретического разума и познания природы.

«К» и «т» для «ан» — предел, иже не перейдеш. И только благодаря «К» и «т» — граням формы, «ан», само по себе аморфное бытие, содержание, наполнение, жизненное пространство, которое звучало б

просто как французский носовой звук an (действительно: «а» — пространство, «н» — жизнь), — образует что-то по-германски определенное: фамилию, явление, предмет.

Если имя «Кант» выступает как заклинание пространства («ан») и его уловление в априорную форму, то не меньшую осмысленность имеет это имя в шкале времени. Кант — такт времени, единица его, один слог, со всех сторон ограниченный. Это имя: Кант — как звук от одного удара колокола или струны⁴

Так что недаром в себе нашел Кант априорные формы чувственности: пространство и время — и открыл в них массу доопытных смыслов. Имя это — и заклинание бытия, и монада германского мира. Кант — это Burg, город, бытие за стенами.

«Гачев» рядом с «Кант» звучит низкоросло, земно, суетливо, не едино, раздвоенно. Бытие, было, уловлено в «а», однако ворота ему открыты (слог открытый), и оно постепенно выпускается. Выдыхается через щели и свистение: «чиф». Замах большой «Га», а в итоге гора (гара) родила мышь, что пищит: «чиф».

Так вот и амбиция моя, и интерес проступают: нельзя ли раскупорить на все пуговицы в сюртук застегнутый мир Канта, породнить с собой, побрататься и найти и в Канте щели, отверстия, через которые открытый простор бытия тайно в его дом вторгается, воздух и тягу в нем создает, и усмотреть в «Кант» нечто вроде «Кантчев»? Тогда я обогащусь — формой и единством, порядком, строгостью и дисциплиной, а с того сниму одежду-форму-сюртук, заклятье закупоренности, и дам его телу вольно дышать, и живую жизнь подсоединю и для нее выходы из Канта найду.

А для этого сяду в сторонке и понаблюдаю и прислушаюсь: как в этом герметически, вроде на все сто замкнутом доме-мире Кантовой философии осуществляется дыхание, обмен веществ: какие вещества, пища из бытия туда входят, и чем там питаются, и из чего, по переработке, взвиваются высокое усмотрение, логика и отвлеченные выкладки чистого разума?

20.11.69. Да, поистине «Кант» — ему имя. Магия своего имени влияла на него, формировала его, давала задание его жизни и уму (см. Платон в «Кратиле» и Стерн в «Тристраме Шенди» о подобном), — и он **окантовал** познание, рамку ему и пределы прочертил, закупорил человека в границы его «я».

⁴ Как же не расслышав я тогда в его имени и canto = «петь», cantor = «певец» и «кантата»? — 9.11.96.

«Иду на вы!»

6. IX. 68. Так что причаститься хочу — и уязвить. Ну да: как паразит — попользоваться, чистого духа хлебнуть, ума набраться, а в итоге — кровь пустить. Но ведь это и полезно бывает: так пиявок прикладывают — и спертая кровь выходит, и апоплексическому человеку легче дышать, и жизнь продляется. А Кант — чопорный, забронированный от неученых людей, уж наверное, бедняга, и задыхается в своей изоляции, и людям от его богатства не достается. Хотя таков Кант как миф, когда о нем — понаслышке и по звучанию имени-заклинания судишь. При ближайшем же к нему прикосновении обнаруживаешь, что совсем не чопорный он, а простодушный человек, миляга и свой парень, и все понимал и добр был, радушен и снисходителен к людям, и как раз он-то в философии и выступил как голос простых здравомыслящих людей:

Чем кумушек считать трудиться,
Не худо⁵ на себя, кума, оборотиться?

— сказал он философски и выяснять стал, вообще на что она способна, и снял с нее надменность. Так что и на то, что я так фамильярно к нему пробую подойти, вряд ли он будет сетовать. Напротив, он сам рекомендовал тому, кто начинает о чем-либо мыслить, отдать себе отчет в том, куда будет влечь его живущая в нем склонность, субъективное пристрастие, заставляющее его избрать на почве разума интерес к единству или к разнообразию (которые, и то и другое, спарены в бытии).

«Все субъективные основоположения, происходящие не из свойства объекта, а из интереса разума к известному возможному совершенству познания объектов, я называю максимами разума». Они имеют регулятивное для ума значение в ходе познания, организуя мышление и склоняя его к преследованию в опыте того или иного, но не образуют и не изменяют самого объекта познания (не имеют конститутивного значения). Если эти склонности разума, его максимы понимать так, регулятивно, «то между ними нет никакого противоречия, а есть только различие интересов разума, вызывающее различия в способе мышления. На самом же деле у разума есть только один единый интерес, и спор между его максимами сводится только к различию и взаимному ограничению методов, удовлетворяющих этому интересу». Так что и кантова склонность к единству, и моя — к

⁵ У Крылова в басне «Зеркало и обезьяна» — «не лучше ль». Однако ошибки памяти — эвристичны: возможные варианты-оттенки открывают; «не худо» нейтрально, учительно; «не лучше ль» — язвительно. И потому и оставляю, как тогда вспомнилось. — 6.6.96.

изобилию бытия — дружественны могут быть, если каждый из нас понимает ограниченность своего подхода и ценит его восполнение в подходе сомыслителя. Между тем, если не отдают себе в этом отчета, «когда наблюдаешь спор между проникательными людьми из-за характеристики людей, животных, растений или даже минералов, причем одни допускают, напр., существование особых народных характеров (как раз то, к исследованию чего я наклонен последние годы, изучая национальные космоса и логосы. — Г.Г.), обусловленные происхождением, или резкие наследственные различия между семействами, расами и т.п., а другие, наоборот, настаивают, что природа всемодала совершенно одинаковые задатки, и все различия обусловлены только внешними случайностями, что стоит только принять во внимание природу этого объекта и тотчас же станет понятно, что для обеих сторон она слишком глубоко скрыта, чтобы они могли говорить на основании знания ее («природа объекта» — как он есть сам по себе, а не произведен формами нашего познания, в том числе склонностями разума, — нам вообще не доступна, отвернута от нас, спиной, как в платоновой пещере, есть вещь в себе. — Г.Г.). Каждая из спорящих партий принимает к сердцу не что иное, как одну из сторон двойственного интереса разума, т.е. отличающиеся друг от друга максимы многообразия природы или единства природы, которые, конечно, могут быть примирены, но, если принимаются за объективные знания, являются источником не только споров, а и препятствий, надолго задерживающих истину, пока не будет найдено средство объединить противоположные интересы и таким образом доставить удовлетворение разуму»⁶

⁶ *Кант. Критика чистого разума*. 2 изд. /Пер. Н. Лосского. Пг., 1915. С. 377–378. Далее при ссылках на это издание в тексте в скобках указываются лишь страницы. — Почему же по этому изданию читаете и цитируете Канта, когда уже в 1964 году в Сочинениях Канта в шести томах в издательстве «Мысль» вышел третий том, где «Критика чистого разума» дана в отредактированном переводе? — Да. Знаю, имею это издание. Но когда глянул на титул — не указано, ЧЕИ перевод! А в примечаниях стыдливо сказано, что «взят за основу» (как при принятии резолюции на собрании) перевод Н. Лосского, но его отредактировали и унифицировали наши... Как-то тошно стало мне от этого стиля безличности савейской, да и свои мучения от редакторов припомнились. Да и им, философам-марксистам, видно, стыдно было упоминать имя «идеалиста» Лосского. И потому я, радуясь, что в домашней библиотеке есть еще отцов, ветхий экземпляр издания 1915 года, стал с пиететом работать по нему. А для моей цели — выявлять образность в «Критике чистого разума» — перевод такого большого мыслителя, как Николай Онуфриевич Лосский, живой и личный, с чутким чувством русского языка, — в работе по сопоставлению национальных образностей и лучше, нежели нейтрализованные и унифицированные, стертые обороты марксистски вышколенных философов Ц.Г. Арзаканьяна и М.И. Иткина. — 18.6.96.

Разум и культура человеческая сами собой в итоге примирят эти различия в подходах и обогатят ими свою кладовую, так что это не наша забота — сразу печься о конечном удовлетворении двуединого интереса разума. Забота ж каждого — дать максимально выложиться и развернуться тому складу мышления, который сейчас в тебе жив и воинствен. соками существа твоего заряжен и напитан. Хотя полезно умом и остужать его пыл (как мотор воляной рубашкой охлаждения) тем, что совать ему в нос знание того, что ты, дружок, лишь одну жилочку преизобильной истины бытия копаешь и разрабатываешь.

Итак, мы у порога работы, у входа в шахту, где уж далее тьма и ориентироваться по звездам будет невозможно, честно делаем **заявление о сугубом интересе**, который будет нашим двигателем и куда-то будет подталкивать и направлять. Так в добрые старые времена честные воители не из-под-тишка нападали, а с объявлением войны: «Иду на вы!», — ибо сохранение добродетели война было дороже даже, чем победа. Ведь победа: «сегодня ты, а завтра я» — зона случайных стечений временности и условий, тогда как долг нравственности — уже есть устой более дорогой человечеству в целом и бытию (для них-то ведь все равно: Алая ль, Белая ль роза победит в Столетней войне), на чем они стоят и зиждутся; так что выполняя этот долг, я живу в вечности, тогда как радея лишь о победе любой ценой, — в корысти, суете и иллюзии пребываю.

А чист ли «чистый разум»?

«Критика чистого разума» — назвал свой главный труд Кант. А так ли уж чист сам чистый разум, каким он вышел из кантовой домены? — вот мой вопрос. То есть, я — грязноватый сам, в кишках, крови и поте, хочу пощупать чистюлю-белоподкладочника, окантованного галунами: ишь ты, чистый разум, паскуда! — и под микроскопом поискать у него шей, родной мне живой грязноты. Для этого я обуздал свою рассеянность и наложил на себя благую эпитимью: в смиреннии и послушании месяц с лишним шаг за шагом, не торопясь и не отвлекаясь, восходил на кантов Монблан, частично по-немецки и сопоставляя перевод с оригиналом. При этом стремился понять и охватить всю постройку-систему в целом, в сочленениях, в способе движения мысли, и порыться в тех строительных материалах, из которых она воздвигалась и на чем замешана; и — главное: безразлична ли стройматерия: камень, дерево ль, глина и т.д., которые неизбежно национальны, местные, локальны, из национального германского кос-

моса берутся, — для самого силуэта, плана, архитектуры самого собора — воздушного здания Логоса? Не национален ли и он в зародыше был и итоге получился?

Национальная логика. Давно подкапываюсь выяснить: есть ли она? В народном складе ума, на низовом уровне — есть и легко проследить: в пословицах; у Крылова, Лессинга, Лафонтена в баснях и т.д. Ну а в высокой республике отвлеченной мысли, науки, естествознания, математики и т.д., которые вроде космополитичны и язык которых и проблемы — всеобщи? А там как? Нельзя ли уловить связь отвлеченных проблем, поворотов задач и методов решения с субстанцией народных почв, солнц, вод и воздушных, из которых выходят ученые, мыслители? Ведь если нам суждено когда-то столкнуться с живыми и разумными обитателями иных миров⁷ — их-то особая плоть, конфигурация, разум и язык чем иным могут быть произведены, как не особым стечением стихий и элементов бытия, ритмом времен и т.д. в том месте вселенной, откуда они? И чтоб суметь прочесть их текст и понять их язык, исходить нам придется из выяснения их почвы, сочетания первоэлементов, общих всей вселенной, и, выяснив это сочетание, сможем понять уже духовный вырост на этой почве. Так что приуготовлением к подобной расшифровке надо заняться и здесь, у нас, на материале разнообразия Земли, ее народов, языков и логик, выясняя вертикальную зависимость национальных духов от национальной телесности. Вот почему я и нацелился на, по общему мнению, отвлеченнейший продукт человеческого разума — на главный труд Канта — с целью посравнить да посмотреть, не удастся ли там зацепку какую найти, чтоб осуществить, как говорят архитекторы, «привязку на месте» — заземлить его, а точнее, исконную и первоуродную его заземленность в национальном германском космосе обнаружить и, главное, выяснить: не проявляется ли она конкретно в задачах, идеях, ходах мысли?

Прямо до национального характера отвлеченной мысли с земли вскочить невозможно; однако, можно попробовать добраться через землю национальной жизни и небо отвлеченной мысли связующую

---

⁷ Кстати, сам Кант настолько этого желал и в это перил, что объявлял это своей «доктринальной верой» и готов был поставить на это пари — как способ и критерий испытания прочности убеждения: убеждение ль оно (Überzeugung) иль самоуговор (Übertung)? «Я бы держал пари на все, что у меня есть, за то, что, по крайней мере, на какой-либо из видимых нами планет есть обитатели, если бы можно было проверить это опытом. Поэтому я утверждаю, что мысль о существовании обитателей других миров есть не только мнение, а сильная вера (за правильность которой я рисковал бы многими благами жизни)» (451). Вот ведь какой азартный был!

плазму языка и выражения, которая, как ствол и плоть, окружает взнесения и порывы отвлеченной мысли и соками земли и жизни ее снабжает и питает. Так вот: какие именно соки потребовались кантовой мысли, какие слова и образы составили ее сугубое питание? А слово (а в нем уж живет образ, первичное созерцание) всегда есть древо, где листья отвлеченных духовных значений сообщаются с корнями прямых, телесно-материальных. Но кроме таких сокрытых в словах и даже отвлеченных терминах образов⁸ все тело и порода «Критики чистого разума» — во вкраплениях собственно образов, сравнений, метафор. А образ-троп тем и необходим в культуре, что в нем — духовное значение, смысл — и материальная вещь природы скреплены прямо и друг в друге живут (как в человеке душа и тело). Так что соотнося отвлеченные ходы мысли Канта с окружающей и питающей их образной плазмой, мы и надеемся укоренить умозрение и обнаружить его соответствие с первичными национальными созерцаниями природы, быта, стихий — того, что хорошо и плохо в данном национальном космосе и что дети всасывают с молоком матери. Так что и Канта на этом уровне будем анализировать: что такое хорошо и что такое плохо — у него.

Например: *rein* — «чистый» — это хорошо (недаром в заглавие и в проблему поставил) и не только для него одного, но и для всего немецкого народа: недаром свою основную национальную реку назвал этим словом: *Rhein*, буквально, — «чистый». Случай? Но ведь все-таки ни одна из русских рек таким понятием не названа; значит, оно хоть важно и в России, но не такое центральное, каковую роль играет здесь другое понятие — «белый» («белый свет» и т.д.): не случайно, как показывает этимология, «Волга», основная русская река-матушка, — от слова, означающего «белый».

Схема и образ

Правда, сам Кант, поскольку его целью было выяснить: что мы можем знать только из разума, а *priori*, не прибегая еще к опыту, т.е. до смычки с природной материей и веществами мира? — ведет рассуждение, тщательно изолируя мысль от образов и ассоциаций, которые сразу эмпирии, телесности неизбежно вносили бы и угрожа-

---

⁸ Например, основное у Канта понятие «трансцендентальный» — от лат. «*transcensus*» = «переход» — и это уже многое говорит и выдает простое, наипростейшее, народное воззрение на мир, лежащее в основе философии.